

УДК 821.124 + 821.111(73)

ГОРАЦИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Э. ПАУНДА

канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР
(Полоцкий государственный университет)
n.nester@psu.by

Рассматриваются горацианские мотивы в творчестве американского поэта Эзры Паунда (Ezra Pound, 1885 – 1972), одного из значительных поэтов и критиков XX века, основоположников английского и американского модернизма. В творчестве Эзры Паунда горацианские мотивы являются постоянно присутствующим рефлексивным фоном, придающим модернистскому тексту необычайную глубину. Для художника с его эстетическими представлениями о поэте – продолжателя мировой литературной традиции и, более того, медиуме, объединяющем разрозненный опыт веков, традиция Горация важна как способ совмещения в творчестве личного и общекультурного опыта.

Ключевые слова: перевод, парафраз, переложение, вариация, переосмысление, трансформация.

Введение. Согласно Паунду, поэзия призвана вернуть понятиям исходный смысл, произведя своего рода революцию языка в целях очищения сознания от мифов, сложившихся в буржуазную эпоху. По его мнению, поэзия выполняла свои основные функции «обновления» и «уточнения» языка только в творчестве людей, которые «изобретали нечто новое». В Греции – это Гомер и Сапфо (но не Эсхил, от которого берет начало традиция риторики или «плохого искусства»); в Риме – Катулл, Овидий и Проперций, которые превзошли греков в искусстве «ясности». Из античных авторов Паунд «воскрешает» Сапфо, Катулла, Проперция, Горация, Овидия и стремится «завоевать» прошлое. В то же время, считал Паунд, современный поэт зависит от прошлого так же, как прошлое зависит от него, ибо без его посредничества оно не может «ожить» в современности. Автор искал равных себе среди умерших поэтов, принадлежавших к разным традициям, временам и народам, поскольку не находил таковых среди современников. А.М. Зверев выделяет в поэзии Эзры Паунда две группы произведений: «произведения, преследовавшие цель реконструировать традиции античной, восточной и средневековой лирики, и произведения на современные темы» [1, с. 143].

В творчестве Эзры Паунда содержатся аллюзии на различные литературные источники, начиная античными произведениями и заканчивая произведениями современников. З. Венгерова пишет, говоря о современных английских поэтах и писателях, «следует включить в их число и Паунда, отмечая индивидуальные особенности его музыкального ритма и его эксперименты в применении старофранцузских, а также греческих ритмов к английскому стиху» [2, с. 845–846]. Поэтический язык Паунда чрезвычайно сложен: каждую мысль он «записывает» так, что понять ее можно только при внимательнейшем чтении; тем более труден перевод его текстов, невозможный без понимания того, что ни одно слово не использовано им случайно. Он позволяет себе полную свободу в грамматике, то и дело деформируя английский язык. Цитаты из произведений античных авторов предлагаются Паундом на языке оригинала и, соответственно, недоступны читателю, владеющему только английским.

Основная часть. Вступая в диалог с Горацием, Эзра Паунд использует его достижения в области поэтических форм – од, эподов, посланий, сатир. Однако обращение американского поэта к произведениям римского поэта – не просто подражание, а осмысление классических жанров, позволяющих поэту актуализировать горацианские мотивы в современном контексте посредством их ироничной трактовки. Насыщая произведения цитатами на латинском языке, поэт, прежде всего, ориентируется на эрудированного читателя, способного соотнести их с первоисточниками, и наполняет цитаты новым значением, расширяющим проблемное поле модернистской поэзии, в том числе и с помощью пародийного подтекста.

Для поэта-модерниста созидательный процесс всегда подразумевает смысловые параллели с произведениями античных авторов. Проблемы творчества поднимаются Эзрой Паундом в стихотворении «L'Art», где поэт утверждает, что искусство для него – то, что дает возможность для заимствования и преемственности. Обращаясь к римскому поэту Горацию, американский поэт развивает тему использования творческого наследия поэтов прошлого:

Horace, that thing of thine is overhauled,
And «Wood notes wild» weaves a concocted sonnet.
Here aery Shelley on the text hath called,
And here, Great Scott, the Murex, Keats comes on it.

And all the lot howl, «Sweet Simplicity!»
'Tis Art to hide our theft exquisitely¹ [3, с. 436].

Тематическую близость к посланиям Горация обнаруживает паундовское стихотворение «Капилуп – Гроту. Приветствие» (*Capilupus Sends Greeting to Grotus*), представляющее собой послание латинского поэта вымышленному другу Гроту, и примыкающее к знаменитой поэме Капилупа «Ночная песнь». При этом структура приветствия учитывает все классические каноны его построения: речь начинается с обращения к адресату и его восхваления: «To Giles Grotus, *vir amplissimus*, / Man to the full, who'll take: / My saying for what it's worth / And for its directness»² [3, с. 682]. В последующих строках Капилуп убеждает друга прочесть его книгу и прощается с ним: «To thee God's greeting and my poem / With right good will, love and / VALER»³ [3, с. 684]. Именно в этом произведении проявляется желание Паунда не столько перевоплощаться в своих героев, мыслить их категориями, следовать их переживаниям, сколько оставаться самим собой:

For this, know you that I would
Make my poem, as I would make my self,
From all the best things, of all good men
And great men that go before me.
Yet above all be myself⁴ [3, с. 684].

Достаточно часто Паунд использует аллюзивный способ цитирования, при этом приводит цитату не полностью, а только одно или несколько слов из нее. Цель подобного цитирования – вызвать у читателя посредством ассоциаций представление обо всем первоисточнике. Так, цитируемые в поэме «Хью Селвин Моберли» (*Hugh Selwyn Mauberley*, 1920) слова «Died some, pro patria, non «dulce» non «et decor»...»⁵ в соотнесении со знаменитой строкой из горацианской оды (III, 2) «Dulc(e) et decorum (e)st pro patria mori»⁶ понимаются как ирония над современными «героями», бегущими от страха с поля битвы⁷.

Продолжая поиски истинного счастья, Гораций синтезирует гномическую поэзию, эпикурейскую и стоическую философию, создает своеобразный кодекс жизненного поведения, который вошел в века под названием «горацианская мудрость». Согласно римскому поэту, следует жить сегодняшним днем, наслаждаясь пирами, вином и любовью, но не в них заключается сущность и мудрость бытия. Счастье человека состоит в сохранении веры в благополучие и твердость духа. Не нужно стремиться ни к богатству, ни к почестям, ибо, чем выше положение человека, тем оно опаснее; в «золотой середине», в сокращении желаний и притязаний личности – источник ее счастья. Следуя за Горацием, поэт-модернист пытается передать быстротечность жизни и человеческих чувств, в результате чего образ всепоглощающего времени наделяется гедонистической коннотацией в произведениях «*Quies*»⁸ и «Игла» (*The Needle*). З. Венгерова отмечает, что «Паунд остался новатором-имажистом лишь в своих вещаниях, а стихи его большей частью чисто «литературные», насквозь проникнутые классическими воспоминаниями, даже с греческими и латинскими заглавиями: «*Doris*», «*Phasellus ille*», «*Quies*» и так далее (как это, казалось бы, согласовать с гордым заявлением: «прошлое нами просто забыто»)» [2, с. 846].

В книге «Средневековый дух любви» Паунд обращается к оде Горация (III, 30) и перефразирует строку «*Magna pars mei*»⁹, в которой говорится о посмертной участи поэта: «Большая часть меня избежит тленья» [4, с. 56–57]. Идея «памятника» римского автора прослеживается в ироничном стихотворении «*Monumentum aere, etc.*», заглавие которого заимствовано Паундом из первой строки оды «К Мельпомене» – «*Exegi monumentum aere perennius*»¹⁰. Для Горация путь к вечной жизни заключается в высокой миссии художника; апофеоз его бессмертия он создает в стихотворении, обращенной к музе трагической

¹ «Гораций, пересмотрен твой завет, / И «Дикая песня лесов» соединяет придуманный сонет. / Здесь Шелли заглянул в текст, / И здесь, Великий Скотт, Мюррекс, Китс натываются на него. / И все громко восклицают, «Сладкая простота!» / Искусство – в том, чтобы изысканно скрывать наше воровство» (Перевод наш. – Н.Н.).

² «Дарю Гроту, достойнейшему мужу, / Человеку, готовому взять: / Мои слова из-за их достоинства / И прямоты» (Перевод наш. – Н.Н.).

³ «Шлю тебе божье приветствие и свою поэму / С хорошими пожеланиями, любви и / ПРОЩАЙ» (Перевод наш. – Н.Н.).

⁴ «Так знай же, что я обычно / Создаю стихи, как создаю себя, / Из всех лучших вещей, из всех добрых людей / И великих людей, что идут передо мной. / Но, превыше всего, быть собой» (Перевод наш. – Н.Н.).

⁵ «Некоторые умерли, за родину, но не «сладко» и не «приятно»» (Перевод наш. – Н.Н.).

⁶ Лат. «Сладко и приятно умереть за родину».

⁷ «И честь, и радость – пасть за отечество! / А смерть равно разит и бегущего / И не шадит у тех, кто робок, / Спин и поджилки затрепетавших» (III, 2, 13–16. Перевод А. Семенова-Тян-Шанского) [8, с. 128].

⁸ Лат. «Покой, отдых; надпись на могильных плитах».

⁹ Лат. «Большая часть меня». Паунд изменяет прилагательное «*multa*» на «*magna*».

¹⁰ Лат. «Я памятник воздвиг прочнее меди».

поэзии. Паундовский «памятник» находит в тексте материальное воплощение, и, в отличие от гораціанского «памятника», не подразумевает признания читателями созданных им произведений: «You say that I take a good deal upon myself; / That I strut in the robes of assumption»¹¹ [3, с. 636]. Как и римский поэт, Паунд писал для эрудированных людей, игнорируя широкий круг читателей и отзываясь о нем презрительно, поэтому судьями своего творчества он предполагает людей, компетентных в поэзии.

Относительно стихотворения «*Monumentum aere, etc.*» З. Венгерова пишет, что «когда Эзра Паунд хочет быть дерзновенным, он теряет и присущую ему стильность. В «*Monumentum aere, etc.*» он бросает вызов тем, которые осуждают его за высокомерие, в том, что он слишком много взял на себя. Он говорит, что все мелкое и смешное в нем забудется. А вы, – грозит он враждебной толпе, – вы будете лежать в земле, и неизвестно, будет ли ваш тлен достаточно жирным удобрением, чтобы произросла из него трава на вашей могиле» [2, с. 847].

По отношению к теме бессмертия, проходящей красной нитью сквозь все творчество Горация М.Л. Гаспаров пишет: «Чтобы преодолеть смерть, победить ее, человеку дано одно-единственное средство: поэзия. Человек умирает, а вдохновенные песни, созданные им, остаются. В них – бессмертие и того, кто их сложил, и тех, о ком он их слагал. Не случайно Гораций всюду говорит о поэзии торжественно и благоговейно: ведь она делает поэта равным богам, даруя ему бессмертие и позволяя обессмертить в песнях друзей и современников. И не случайно свой первый сборник од из трех книг он завершает гордым утверждением собственного бессмертия – знаменитым «Памятником» [7, с. 29]. Данная ода Горация, завершающая третью книгу (III, 30), также привлекает внимание американского поэта:

Exegi monument(um) aere perennius
Regalique situ pyramid(um) altius,
Quod non imber edax, non Aquil(o) impotens
Possit diruer(e) aut innumerabilis
Annorum series et fuga temporum
Non omnis moriar, multaue pars mei
Vitabit Libitin(am); usqu(e) ego postera
Crescam laud(e) recens dum Capitolium
Scandet cum tacita virgine pontifex.
Dicar, qua violens obstrepit Aufidus
Et qua pauper aquae Daunus agrestium
Regnavit populor(um), ex humili potens,
Princeps Aeolium carmen ad Italos
Deduxisse modos. Sume superbiam
Quaesitam meritis et mihi Delphica
Lauro cinge volens, Melpomēne, comam¹².

[5, с. 82].

This monument will outlast metal and I made it
More durable than the king's seat, higher than pyramids.
Gnaw of wind and rain?

Impotent
The flow of years to break it, however many.

Bits of me, many bits, will dodge all funeral,
O Libitina-Persephone and, after that,
Sprout new praise. As long as
Pontifex and the quiet girl pace the Capitol
I shall be spoken where the wild flood Aufidus
Lashes, and Daunus ruled the parched farmland:

Power from lowliness: «First brought Aeolic song to Italian fashion» –
Wear pride, work's gain! O Muse Melpomene,
By your will bind the laurel.

My hair, Delphic laurel
[6, p. 1146].

Стихотворение Горация написано малым Асклепиадовым стихом и состоит из 16 строк. В этом плане паундовская версия почти полностью совпадает по количеству строк с гораціанским стихотворением, однако четвертая и последняя строки несколько коротки по сравнению с оригиналом. При этом паундовская версия «Памятника» далека от оригинальной версии, но это не уменьшает ее значимости в бесчисленном множестве вариаций и подражаний, написанных на тему «Памятника» Горация. Конечно, со времени Горация отношение к бессмертной славе поэта разительно поменялось, и это не мог не отметить поэт-модернист. Если Гораций обращает внимание на то, что он сам воздвиг памятник и приложил для этого немало усилий, то Паунд начинает стихотворение с того, что «этот памятник переживет металл» (в оригинальном тексте есть указание на конкретный металл «aes» – «медь, бронза»), т.е. считает первичным не творца, а его творение. Поэт говорит о том, что, т.к. он сотворил данный памятник, поэтому он будет прочнее королевского трона и выше пирамид.

Следующие две строки гораціанской оды «Quod non imber edax, non Aquil(o) impotens / Possit diruer(e)...» («Который ни губительный ливень, ни жестокий Аквилон не сможет сломать») трансформируются в паундовском тексте в короткое вопросительное предложение «Gnaw of wind and rain?», не лишнее,

¹¹ «Ты говоришь, что я много беру на себя; / Что я важничая в мантии высокомерия» (Перевод наш. – Н.Н.).

¹² «Создал памятник я, бронзы литой прочней, / Царственных пирамид выше поднявшийся. / Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой / Не разрушат его, не сокрушит и ряд / Нескончаемых лет – время бегущее. / Нет, не весь я умру, лучшая часть меня / Избежит похорон. Буду я вновь и вновь / Восхваляем, доколь по Капитолию / Жрец верховный ведет деву безмолвную. / Назван буду везде – там, где неистовый / Авфид ропщет, где Давн, скудный водой, царем / Был у грубых селян. Встав из ничтожества, / Первым я приобщил песню Эолии / К италийским стихам. Славой заслуженной, / Мельпомена, гордись и, благосклонная, / Ныне лаврами Дельф мне увенчай главу» (Перевод С. Шервинского) [8, с. 176]. Подробнее см. [9].

однако, простоты и, в то же время, ярости. Вынесенное в отдельную строку «Impotent», по всей видимости, придает данному прилагательному еще больше бессилия, т.к. рядом с ним нет ни одного слова, чтобы его поддержать. Однако уже на следующей строке Паунд дополняет: «Impotent / The flow of years to break it, however many» («Бессильный поток лет, чтобы сломать его, сколь угодно много»), в отличие от Горация, который пытается «растянуть» время до бесконечности, что памятник не может сломать – «aut innumerabilis / Annoqum series et fuga temporum» («или бесчисленная череда лет и бег времен»).

Когда Гораций говорит о собственной кончине «Non omnis moriar, multaque pars mei / Vitabit Libitin(am)» («Не весь я умру, большая часть меня / Избежит Либитины»), Паунд использует для усиления повторы «Bits of me, many bits will dodge all funeral, / O Libitina-Persephone» («Частицы меня, многие частицы уклонятся от всех похорон. / О, Либитина-Персефона»), идентифицируя себя со своей поэзией. В этом случае Паунд допускает некоторую неточность, т.к. отождествляет Либитину, римскую богиню мертвых, смерти, погребения и земли, с Персефой, греческой богиней плодородия и царства мертвых. Следует отметить, что образ Персефоны используется Паундом в таких стихотворениях как «Молитва перед песней» (*Grace Before Song*), «Молитва о жизни его госпожи» (*Prayer for His Lady's Life*) и других. В конце стихотворения Паунд, как и Гораций, говорит о том, что «First brought Aeolic song to Italian fashion», однако в паундовском тексте это утверждение превращается в прямую речь, переходящую в восклицание – «Wear pride, work's gain!». За все свои труды американский поэт просит музу трагической поэзии Мельпомену венчать себя лавровым венком: «O Muse Melpomene, / By your will bind the laurel. / My hair, Delphic laurel».

У Паунда есть также стихотворение, созданное на основе горацанской оды I, 31, носящей название «К Аполлону». Данное стихотворение написано Алкеевой строфой Горацием по случаю освящения храма Аполлона, построенного Августом в 28 году на Палатинском холме в честь победы при Акции. Следуя народному обычаю, Гораций пользуется этим случаем, чтобы поведать богу поэтического искусства собственные желания, весьма отличные от желаний толпы. М.Л. Гаспаров отмечает, что «Гораций обладал парадоксальным искусством развивать одну тему, говоря, казалось бы, о другой. Так, в оде I, 31 он, казалось бы, просит у Аполлона блаженной бедности в тихом уголке Италии, но, говоря о ней, он успевает пленить читателя картиной ненужного ему богатства во всем огромном беспокойном мире» [7, с. 16]:

Quid dedicatum poscit Apollinem
Vates? Quid orat, de patera novum
Fundens liquorem? Non opimae
Sardiniae segetes feraces,

Non aestuosae grata Calabriae
Armenta, non aurum aut ebur Indicum,
Non rura, quae Liris queta
Mordet aqua taciturnus amnis.

Premant Calena falce quibus dedit
Fortuna vitem, dives et aureis
Mercator exsiccat culillis
Vina Syra reparata merce,

Dis carus ipsis, quippe ter et quater
Anno revisens aequor Atlanticum
Inpune: me pascust olivae,
Me cichorea levesque malvae.

Frui paratis et valido mihi,
Latoe, dones, at, precor, integra
Cum mente, nec turpem senectam
Degere nec cithara carentem¹³. [5, с. 25]

By the flat cup and the splash of new vintage
What, specifically, does the diviner ask of Apollo? Not
Thick Sardinian corn-yield nor pleasant
Ox-herds under the summer sun in Calabria. Nor
Ivory nor gold out of India, nor
Land where Liris crumbles her bank in silence
Though the water seems not to move.

Let him to whom Fortune's book, to the
Profit of some seller that he, the seller,
May drain Syra from gold out-size basins, a
Drink even the Gods must pay for, since he found
It is merchandise, looking back three times,
Four times a year, unwrecked from Atlantic trade roots.

Olives feed me, and endives and mallow roots.
Delight had I healthily in what lay handly provided.
Grant me now, Latoe:
Full wit in my cleanly age,
Nor lyre lack me, to tune the page.
[6, p. 1145–1146]

¹³ «О чем ты молишь Феба в святилище, / Поэт, из чаши струи прозрачного / Вина лия? Не жатв сардинских – / Славных полей золотое бремя, / Не стад дородных знойной Калабрии, / Слоновой кости, злата индийского, / Не тех усадеб, близ которых / Лириис песет молчаливы воды. / Пусть те срезают гроздь каленские, / Кому Фортуной дан благосклонный серп, / И пусть купец черпает кубком / Сирии вина, окончив куплю: / Богам любезный, воды Атлантики / Он за год трижды видит бестрепетно, / Меня ж питают здесь оливки, / Легкие мальвы, цикорий дикий / Дай, сын Латоны, тем, что имею я, / Дышать и жить мне, тихую старость дай, / Оставь мне здравый толк и даруй / С милой кифарой не звать разлуки» (Перевод С. Боброва) [5, с. 83].

Гораций перечисляет, что ему не нужны ни сардинские нивы, ни калабрийские луга, ни индийские драгоценности, ни кампанские сады, ни каленские виноградники, ни атлантические торговые пути. И в то же время, обращаясь к покровителю искусств Аполлону, Гораций делает поэтическое призывание уделом всей своей жизни, задавая вопросом в самом начале стихотворения, и затем сам дает ответ на свой же вопрос «О чем может молить Аполлона поэт?» – «О возможности жить и творить до конца своей жизни». Так же, как и римский поэт, Эзра Паунд начинает стихотворение с вопроса, адресованного художнику слова: «By the flat cup and the splash of new vintage / What, specifically, does the diviner ask of Apollo?», о чем будет его вопрос, обращенный к божественному Аполлону. Далее в паундовском варианте перечисляются все те красоты, от которых он может отказаться, только бы сын Латоны даровал ему в данный момент здравый рассудок, чтобы не расставаться с лирой (у Горация – с кифарой).

Некоторые стихотворения Эзры Паунда, посвященные прославлению красоты, наполнены гораццианским мотивом «*Carpe diem*». Так, философский принцип Эпикура воплощается у римского поэта в оде I, 11 как чувственное восприятие, которое является источником подлинного знания. Оно связано с наслаждением – отсутствием страданий, состоянием полной душевной безмятежности, независимостью от внешних условий. Данная ода Горация адресуется некоей Левконое (λευκοῦς «ясный» + νοῦς «ум»), стремящейся приоткрыть завесу тайны. Гораций пытается предостеречь Левконою от бессмысленных гаданий, которые вряд ли прольют свет на интересующие ее вопросы. Знание о том, сколько на самом деле зим суждено ей прожить, вряд ли дарует ей безмятежную жизнь. Поэт призывает Левконою оставаться мудрой и жить сегодняшним днем, менее всего доверяя последующему:

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi
Finem di dederint, Leucoñoë, nec Babylonians
Temptaris numeros. Ut melius, quicquid erit, pati,
Seu plures hiemes, seu tribuit Iuppiter ultimam,

Quae nunc oppositis debilitat pumicibus mare
Tyrrhenum. Sapias, vina liques, et spatio brevi
Spem longam reseces. Dum loquimur, fugerit invida
Aetas: carpe diem, quam minimum credula postero¹⁴.
[5, с. 10]

Ask not ungainly askings of the end
Gods send us, me and thee, Leucothoë
Nor juggle with the risks of Babylon,
Better to take whatever,
Several, or last, Jove sends us. Winter is winter,
Gnawing the Tyrrhene cliffs with the sea's tooth.

Take note of the flavors, and clarity's in the wine's manifest.
Cut loose long hope for a time.
We talk. Time runs in every of us,
Holding our day more firm in unbelief. [6, p. 1145]

Астрологические предсказания пользовались у римлян огромной популярностью и никакие запреты не могли заставить римских граждан отказаться от них. В стихотворении упоминаются таблицы, служащие вавилонским астрологам для предсказаний. По всей видимости, стихотворение написано Горацием зимой, возможно, накануне Нового года, т.к. в тексте упоминается данная пора года. По отношению к данному стихотворению М.Л. Гаспаров отмечает: «Чтобы уберечься от давящих мыслей о смерти, есть лишь один выход: жить сегодняшним днем, не задумываться о будущем, ничего не откладывать на завтра, чтобы внезапная смерть не отняла у человека отложенное. Это и есть принцип «пользуйся днем» (*carpe diem*), попытка Горация отгородиться от беспокойного будущего так же, как принципом независимости он отгородился от беспокойной современности» [7, с. 28].

Следует отметить, что именно в этом стихотворении встречается устойчивое выражение «*Carpe diem*», благодаря которому Гораций известен людям сведущим, к числу которых принадлежал и Эзра Паунд. Несомненно, что данная ода Горация, в том числе и благодаря этому выражению, является популярной среди почитателей творчества римского поэта.

Если сравнить паундовскую версию с оригиналом, можно заметить, что Э. Паунд увеличивает собственную версию на целых две строки. В варианте американского поэта стихотворение Горация разрастается до десяти строк по сравнению с оригиналом – у Горация изложение темы укладывается в восемь строк. Паунд достаточно свободно обращается со структурой стихотворения, он переставляет строки, добавляет новые предложения, вырезает одну фразу и даже изменяет образ. Так, в паундовской версии зима является причиной того, что Тирренское море изнашивается скалами «cliffs with the sea's tooth» («съеденными морским зубом»). В этом плане паундовская версия представляется зрительной по сравнению со стихотворением Горация, т.к. в ней создается неповторимый образ, вызывающий у читателей определенную ассоциацию. Скалы и Тирренское море используются римским поэтом скорее для дистанцирования читателя от текста, позволяющего придать ему созерцательный эффект.

¹⁴ Данное стихотворение написано пятой Асклепиадовой строфой: «Ты гадать перестань: нам наперед знать не дозволено, / Левконоя, какой ждет нас конец. Брось исчисления / Вавилонских таблиц! Лучше терпеть, что бы ни ждало нас, – / Много ль зим небеса нам подарят, наша ль последняя, / Об утесы дробясь, ныне томит море Тирренское / Бурей. Будь же мудра: вина цеди, долгой надежды нить / Кратким сроком урежь. Мы говорим – годы-завистники / Мчатся. Пользуйся днем, меньше всего веря грядущему» (Перевод С. Шервинского) [8, с. 57].

Обладая определенной долей искусственной интонации, в данном стихотворении Паунд выглядит как никогда убедительным. Несмотря на то, что последняя строка стихотворения Горация передана не совсем корректно, тем не менее, при внимательном прочтении создается эффект верной передачи смысла первоначального текста: «Time runs in every of us, / Holding our day more firm in unbelief» («Время бежит в каждом из нас / Удерживая наш день более твердым в неверии»). Для сравнения можно привести начальные слова паундовского стихотворения: «Ask not». Трудность передачи с латинского языка на английский состоит в том, что глагол *ask* («quaesieris») and the *tempt* («temptaris») (в паундовском варианте *juggle with the risks*) употреблены в форме, предполагающей более вежливое обращение, нежели форма императива. В этом случае паундовский вариант «Ask not» представляется оптимальным.

Что касается латинского варианта *sapias* («будь разумна»), в который римский поэт закладывает смысл некоего предупреждения, чтобы Левконой образовалась и перестала искать смысл в предзнаменованиях, то Паунд останавливается на одном из первоначальных значений данного латинского глагола «ощущать вкус» и в паундовском варианте данный глагол употребляется в буквальном значении: «Take note of the flavors... [of the wine]» («Обрати внимание на ароматы... [вина]»).

Во второй части горацианской строки глагол «liques» имеет значения «быть жидким, текучим», «быть ясным, светлым, безоблачным», «быть очевидным». В свою очередь Эзра Паунд пытается усилить значение вина, однако в латинском варианте глагол имеет форму второго лица единственного числа, как и все глагольные формы, употребленные Горацием в данном стихотворении, поэтому в паундовском варианте присутствует в определенной степени призыв – забыть о смерти и заняться повседневными делами, делаящими нашу жизнь приятными.

Заключение. Таким образом, подобное заимствование горацианских мотивов не было для Паунда простой имитацией устоявшихся классических форм, их использование позволяло ему актуализировать в современном контексте основные темы античности, подчинив последние духовному и эстетическому воспитанию современников. Произведения Горация как основа, на которой строятся паундовские произведения, послужили для него неисчерпаемым источником не только сюжетов, образов и мотивов, но и многочисленных жанров, таких, как ода, послание, сатира. В творчестве американского поэта горацианские жанры [10] вбирают в себя новое содержание, подсказанное временем, интересами, замыслами автора и его творческой индивидуальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев, А. Эзра Паунд – литературная теория, поэзия, судьба / А. Зверев // Вопр. лит.-ры. – 1970. – № 6. – С. 123–147.
2. Венгерова, З. Английские футуристы / З. Венгерова // Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – С. 841–848.
3. Паунд, Э. Стихотворения и избранные Cantos / Э. Паунд. – СПб. : Владимир Даль, 2003. – 887 с.
4. Паунд, Э. Путеводитель по культуре / Э. Паунд. – М. : Рус. феноменолог. общ., 1997. – 187 с.
5. Q. Horatii Flacci Carmina. Оды и эподы Горация. С примечаниями Л. Миллера. – 5-е изд. – Ч. I. – СПб. : Издание К.Л. Риккера, 1914. – 155 с.
6. Pound, E. Poems & Translations / E. Pound. – New York : The Library of America, 2003. – 1364 p.
7. Гаспаров, М.Л. Поэзия Горация / М.Л. Гаспаров // Гораций, Флакк К. Оды, эподы, сатиры, послания. – М. : Худ. лит., 1968. – С. 5–38.
8. Гораций, Флакк К. Оды, эподы, сатиры, послания / К. Флакк Гораций. – М.: Худ. лит., 1968. – 479 с.
9. Несцер, Н. В. «Помнік» Гарацыя як феномен беларускай літаратуры / Н. В. Несцер // Весн. Полац. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманіт. навукі. – 2016. – № 2. – С. 2–9.
10. Несцер, Н. В. Жанры античной литературы в поэзии Эзры Паунда / Н. В. Несцер // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2006. – № 7. – С. 175–180.

Поступила 30.12.2018

THE HORATIAN MOTIVES IN THE EZRA POUND'S WORKS

N. NESTSER

The article deals with the Horatian motives in the works by the American poet Ezra Pound (1885–1972), one of the most considerable poets and critics of the twentieth century, the founders of the English and American modernism. In the Ezra Pound's works the Horatian motives are a constantly present reflective background, giving the modernist text extraordinary depth. For the artist with his aesthetic ideas about the poet – the continuer of the world literary tradition and, moreover, the medium uniting the scattered experience of the centuries, the tradition of Horace is important as a way of combining personal and general cultural experience in the works.

Keywords: translation, paraphrase, arrangement, variation, rethinking, transformation.